

АЛЕКСАНДР ЗОРИН

ЭВ
ХА
РИ
СТО

Александр Зорин

ЭВХАРИСТО

УДК 821.161.1-1
ББК 84(2=411.2)6-5
З-86

Зорин, А. И.

Эвхаристó : стихотворения / А. И. Зорин. – М. : Новый хронограф, 2013. – 168 с. – ISBN 978-5-94881-210-6.

Поэзия Александра Зорина отстаивает возможность преобразования: отчаяния – в надежду, мрака – в проблеск света, греховности – в покаяние, грязи – в чистоту. В мире относительных ценностей защищает ценность абсолютную. В мире избирательных свобод – свободу истинную, безусловную. Для него эти понятия – истина и свобода – тождественны, что чревато неизменным конфликтом: и внутренним и внешним. Но благодарность за всё, восходящая к горнему миру, устраняет неразрешимость любого конфликта.

В книге «Эвхаристó» собраны новые стихотворения поэта.

Агентство СІР РГБ

ISBN 978-5-94881-210-6

© Александр Зорин, 2013

© Издательство «Новый хронограф», 2013

Позывные Греции

Эвхаристó (гр.) — спасибо.

Евхаристия (гр.) — благодарение,
центральное таинство Церкви.

Эвхаристó! Эвхаристó!
На дню, наверное, раз сто
Отвсюду слышно. Глас народа,
Благодарящего за всё...
Обыкновенное словцо
Из речевого обихода.

А мне — стократный знак о том
Ключе, сеченье золотом:
Язык сакрален или пена
Словесная. Эвхаристó,
Благовествующее, что
Обыденное — священно.

I

Рассвет за окном

Скорей, скорее... Времени уж нет.
Уже вздымает облаков обвалы
Меняющийся на глазах рассвет —
Тёмно-зелёный, рдяный, чёрно-алый.

Скорей, скорей! Не завтра, а сейчас...
Уж пред тобой явился напоказ
Из края в край мятущийся широко,
Обещанный, тот самый, *свет с Востока*.

Он окропил муляжную скрижаль
Вновь строящегося собора.
Куда отрадней вглядываться в даль,
В приметы запредельного простора,

Желанного и сердцу и уму.
От очевидного не жди пощады.
Глаза устали погружаться в тьму
Отечества, в свинцовые преграды.

Распахнутое небо... И страна,
Разбухшая на мифах и поверьях,
Разъята на подрамнике окна.
Её такую Левитан и Рерих

Не представляли... Да и ты навряд.
Хоть тыщу лет она тебе знакома.
Встаёт рассвет, похожий на закат,
Во весь размах родного окоёма.

* * *

31 октября.
Соловецкий камень завален цветами.
Их больше, чем людей.
Неужели нас снова затопчут?..
Из письма

Не будем путаться: чья вина?
Взлетать на взрывной волне.
Свобода мало кому нужна.
Тем паче в нашей стране.

Смётанной из сплошных прорех.
Звезда ли, двуглавый орёл...
Нет, уже не затопчут тех,
Кто подлинную обрёл.

* * *

Анне Политковской

Молчит и глаза таращит
Народ — выглядывает из-за угла.
Как чувствуешь себя, заказчик,
Воссевший во главе стола?

На жертве власть оттянулся...
Из неё за глотком глоток
Потягивая... Не промахнулся
Твой отморозок-стрелок.

Да жив ли он сам?.. Памятуй
Зверский ваш аппетит,
Знай: та же самая пуля
В глотку тебе влетит.

Всё искуснее год от году
Чешуйчатую чеканишь броню ,
Слабенькую нашу свободу
Додавливая на корню.

Вот лежит она глухо у стенки...
А поодаль народ — как дитя
Облапошенное, таращит зенки
И молчит, головою вертя.

* * *

Против этой разбухнувшей тучи в броне
Неужели мы, правда, бессильны.
Нас размазали снова по кремлёвской стене,
Как и вас — осетины, грузины.

Вешать сверху лапшу научились давно,
Выявлять: кто шпион, кто вредитель...
Мой народ с победителями заодно.
Он и есть победитель,

Мой народ...
На карачки с коленей восстав,
Сам себя задавил, пятясь задом.
Победитель в итоге считается прав.
Чёрной тучей в полнеба встаёт Голиаф,
Огнемётным рыгающий градом?..

Колымские рассказы Варлама Шаламова

Влажной тяжестью дышит каждый рассказ,
Как набухший кровью платок.
Век минувший своё мурло и сейчас
Высунет, от нас недалёк.

Но не тот уже нынче сгущается мрак,
И не так уж кремешно вокруг.
Это старый, вмурованный в гены, ГУЛАГ
Отрыгивает законы бандюг.

Доживает в маразме. Он и был без ума.
Нынче виден во всей наготе.
И, куда ни ступи, по колено дерьма,
Из которого слеплены те

же фокусники-хмыри, обдурят
Хоть кого... Хоть слона в нору
Затолкают...
Ты сегодня умри, говорят,
А я лучше завтра умру.

Том колымских рассказов, роскошно изданный том...
Это, в общем-то, добрый знак.
Пробуждается мой, ещё выстроен зэками, дом,
Как поставленный на попа барак.

После фильма Анджея Вайды о Катыни

Власть, запретившая фильм о Катыни,
Не допустившая на экран
Правду кровавую, — топчет святыни,
Известью травит чувствительность ран.

Пятна смывает кремлёвский обмылок.
И по команде холуйская знать
Жаждающим правды стреляет в затылок.
Да не повадно запретную знать.

С наших бескрайних просторов надуло
Новых застрельщиков — та же братва.
Снова они, оперившись едва,
Там — отштампованы рыла и дула —
Собраны в цепь у Катыньского рва.

Не забелить, не замазать парашей
Дышащую под бульдозером топь.
Общей Голгофы, польской и нашей,
Кровоточит неизжитая скорбь.

Философ поневоле

Не рыпайся, не реагируй...
Не морщи страдальческий лоб.
Спонтанные чувства блокируй,
Тебя не подбросило чтоб
Однажды, как дом на Каширке...
И выйдет, что горевал
Всё знающий муж по ошибке.
Не спрашивай, кто их взорвал?..
Назло новоявленной банде,
Сплотившей кремлёвский десант,
Глотай осмотрительно анти-
Какой-нибудь депрессант.
Трагедия психов волнует.
Философ возвышен над ней.
Любая опасность минует
Сквозящую тень меж теней.
Замедлив период распада
Материи, ты проживёшь
Лет двести, а больше не надо.
Всё зная – где правда, где ложь.

**Отвечая на вопрос
радиостанции «Свобода»**

Всё меняется на этом свете —
Русла рек, очертания гор,
Государственные границы.

Облик людей времён гражданской войны
Отличен от современников победившего социализма.
Класс гегемонов, по удачному наблюдению поэта
Григория Зобина,
Выродился в гегемонстров.
Ленин на броневике и Брежнев на трибуне —
Совершенно разные антропологические типы.

Уголовника из социально близких ,
На счету у которого не одно мокрое дело,
Можно было опознать по взгляду.

Какой будет Россия через 20 лет? —
Спрашивает радиостанция «Свобода».
Изменившейся.

Уже и сегодня облик серийного убийцы
Совершенно неузнаваем:
Вменяем, верный товарищ, любящий муж и отец.
Смотрю на его фотографию
И с ужасом думаю:
По внешности вполне мог быть моим зятем.

Так что через 20 лет
Армию уголовников-мокрушников
Вытеснит уважаемый киллер.

Алушта. Октябрь.

Ивану Шмелёву, автору пророческой книги «Солнце мёртвых»

Не терпит история грима.
Я тоже к нему не привык.
Бежал я, как Врангель из Крыма,
Под натиском местных владык,

Безбожно дерущих монету
За место: где сесть и где встать.
Коммерция – выхода нету.
С курортников надобно драть.

Но я никакой не курортник.
И сроду им не был ни дня.
Таксист, массажист, культработник,
Прощайте, простите меня...

К тому ж я клиент небогатый.
К тому же не тычьте, не тычь!..
О, этот кураж бесноватый,
Доступный трудящимся китч!

На всём – на киношных просмотрах,
На танцах, на тучах шаров,
На девах с реклам распростёртых,
На всём залегло **Солнце мёртвых**,
Которое видел Шмелёв.

* * *

Когда меня унылый жлоб обманет,
А проще – на мякине проведёт,
Душа моя, испытывая гнёт
Отечества, смутится, но – воспрянет,

Не утираясь низостью любой.
Власть свыше узаконила разбой.
И кто там прав, и кто кого крышует, –
Понять нельзя. Как говорил Толстой,
Да, да, талантлив наш мужик, но – жулик.

Жива душа... Противится тому,
Чтобы никто не верил никому.
Смягчает, может быть, азарт батальный
Всех против всех... удерживает нить
Незримую... Пытаясь отдалить
Всеобщий, может быть, исход летальный.

* * *

С веком не переменялся
Сталинской лепки курорт.
И что это я соблазнился?
Вляпался, словно в торт.

Плямбы фасада вокзала —
Краснознамённый амфир.
Бледную длань с пьедестала
Тянет всё тот же факир.

Жулики нынче в фаворе.
Я и попался в сачок.
Вкруг вожделенного моря
Стража — забор на заборе.
Дикого пляжа клочок.

Миг единения сладок
В узком пространстве с волной.
Галечник ласково-гладок...
Если б не струпя прокладок
Женских и тары пивной
Груды...

В кафе над столами
Мухи роятся. Газон
Густо застелен телами.
Вроде бы уж не сезон,

Я полагал. И напрасно...
Это ж родная земля...
Времени не подвластна
Наша юдоль – непролазна
От нечистот и жулья.

* * *

Удерживались не на честном слове
Народы меж собой – на волоске.
Союз распался. Идола во Львове
Свалили с пьедестала. По башке

Дубасили, по кепочке коварной,
По лысине... Чугунные мозги
Постанывали... Образ лучезарный
Кувалдами крошили на куски.

Я понимаю их задор. Взъярился
Аж до небес непримиримый пыл,
И сам бы я, наверно, приложился
Разок-другой, когда бы с ними был.

Кумир низвергнут.
Но сквозит лакуна –
Всё та же, что зияла на заре
Их новой веры. Грозного Перуна
Тогда топили в огненном Днепре.

А он непотопляем по сю пору,
Патрон князей и княжеских дружин.
Народы, как стада, толкает в гору —
До пика, до зияющих вершин.

Озлобленная, удержу не знает
Душа... И скоро снова взгромоздит
Кого-нибудь на пьедестал, на щит,
Коль свято место пусто не бывает.

* * *

Жили и не при таких паханах.
Пусть не жили, а срок отбывали.
Но — в себе поборовшего страх
Чем-нибудь испугаешь едва ли.

Так не стоит, теряя покой,
Трепыхаться сомненьям в угоду.
Если Библия есть под рукой
И приёмник твой ловит «Свободу».

* * *

Из вечных сокровищ не много
Берёт повседневность в расчёт.
И вот уже в сердце тревога,
Как чёрная туча, растёт.

Ввысь ввинчивается по спирали
Громада, хоть криком кричи.
Когда бы её не пронзали
Откуда-то сбоку лучи.

И правда, их, видимых, мало,
Чтобы различить наяву.
Тех самых, что тьма не объяла,
По воле которых живу.

* * *

И дым отечества...

Грибоедов

Ваганьково. Детство. Глухая пора,
Да, да, листопада... Остатки бугра,
Под коим покоятся предки.
Жгут листья. От тлеющего костра
Дымок подымается едкий.

Нагие, в согласье едином,
Деревья окутаны дымом.

С отцом среди старых могил мы нашли
Под ясенем тень родовую.
Прошедшие войны и смерчи смели
Не начисто мету земную.

И мусор кладбищенский в пламени том
Дымился, заваленный влажным листом.

Сведённый с дыханием, неистребим,
Возникший за общей оградой,
Дым тлеющей опали, мусорный дым —
Отечества дым безотрадный.

Фотография отца Александра Меня

1

Улыбается. Видит всё. Может быть,
И тот час, что ещё не пробил.
Это ж надо такого мужа убить!..
Это дьявол **сам** приказание отдал,

По рогам которому дать,
Способ есть (по всему видать,
Средства прочие безуспешны):
Александровской ясности не предать,
Не похерить его надежды.

2

Проклятая муха! Достала! Никак её не прикончу.
Садится на лоб, на затылок, мелькает под носом.
Только сосредоточусь над своим, сокровенным, она — тут.
Зажёг верхний свет, вооружился мухобойкой,
Верчу головой, ищу, где она спряталась.
И взгляд мой упал на фотографию отца Александра,
Встретился с его взглядом.
Он смеётся...
Над свирепым медведем, которому на нос села муха.

* * *

Солнце светит иль дождь моросит —
Да в любую погоду —
Человечество издавна мстит
Одному лишь народу.

За Христа изнывало от ран
Авраамово лоно —
Под хваленой пятой египтян,
Под луной Вавилона.

Строем эллинских, римских когорт
Смятено на край света.
Кодлой красно-коричневых морд
Издырявлено в гетто.

За Христа — до и прежде всего —
Мстят евреям и мстили.
Не за то, что распяли Его,
А за то, что родили.

* * *

Мигрантов прибавилось за год.
Слышнее стал клёкот и рык.
Восток наплывает на Запад...
Как если бы наш материк
Сотряс тектонический сдвиг.

Ворчат европейцы: бесстыже
Ведут себя! Знали бы честь!
Плодятся кошмарно, как мыши.
Стоять кафедрального выше
Собора — мечтает мечеть!

В России — без комплексов. Скрежет
Зубовный командует: прочь!
Возжаждав отчизне помочь,
Защитнички мочат и режут
Всех чёрных, и рыжих, и проч...

Зачем племена и народы
Мягутся.... Ни зги не видать...
С коварным капризом природы
Не в силах ещё совладать.

У крови прилипчивый запах.
Вдохнул и — башка набекрень.
Восток наплывает на Запад,
Как тень набегаёт на тень.

* * *

Человек пенсионного возраста, молодежавый,
Чисто выбритый, прилично одет (кожаное полупальто).
В одной руке сумка, в другой — палка.
Чуть прихрамывает.

Каждое утро обходит свои доходные точки.
Свои помойки.

Подойдёт, пошурует палкой, выудит кое-что,
Понюхает, потрясёт, сунет в кошёлку и —
К следующей.

Меня, вышедшего на прогулку,
За конкурента, кажется, не принимает.
Но смотрит пристально, будто ждёт подвоха.
Ровно в 8.00 он во дворе.
Нацеленный, пунктуальный,
Как Эммануил Кант, по которому можно было
Сверять часы.

Ранним утром мало прохожих,
А я ежедневно попадаюсь ему на глаза.
Мы стали здороваться, раскланиваться — сказали бы раньше.
Однажды, поймав его насторожённый взгляд,
Я первый кивнул ему.
Он ответил.
Надеюсь всё же, до рукопожатия не дойдёт.

**Страна в день марша несогласных
4 декабря 2011 г.**

Кажется, уж отошла... Но решается
Участь несчастной опять и опять.
Агонизирует или рождается
Тело?.. Не знаю, не смею сказать.

Дух отлетел от соцветья незрелого.
Вызревший плод облепила парша.
На протяжении столетия целого
Мучилась и разлагалась душа,

Не уставая вражину заклятого,
Часто по пьяни, не по злобе
Всюду искать... Лишь его виноватого,
Кровно причастного — русской судьбе.

Может ли что-то из блудного месива
Путное вырасти — в мокрой дыре?..
Снова зовёшь ты: Христа или кесаря?
Где: в колыбели, на смертном одре?

Хутор

Жмых виноградный, кучи лузги
Рыбьей и всяческой — жизни отходы.
На перепаханые огороды
Курицы выпорхнули, как мотыльки.
Пёс их облаивает... Не с той ноги
Встал. Или сводит с пернатыми счёты.
Важно расхаживают индюки,
Точно как люди индючьей породы.

Путаясь в вешках, коза заблудилась.
Мекает громко, хозяйку зовёт.
Кошка призывно в кусты удалилась.
Следом за кошкой отправился кот.

Свиньи толкуются в закуте застенной.
Овцы выкатываются из ворот.
Хутор — вместилище тучности бренной,
Как на ладони — под оком Вселенной.

И воплощение мощи, поверх
Брёха, и крика, и квохтанья — всех
Телодвижений, что дюже обильны,
В небо уткнул неподвижные бивни
Древний, как мамонт, грецкий орех.

* * *

1

Свет вырубился, и в округе
Темно. На ветхие лачуги
Швыряет шторм за шквалом шквал.
Наверно, где-то столб упал.

Зажёг фонарик... Еле-еле
Мигает... Батарейки сели.
А свечек нет. Сиди впотьмах.
Да, не подумал о свечах

Я, собираясь торопливо
Сюда... Нашлась одна... О, диво!
Коллебясь чуть, из давних лет
Явился тихий мягкий свет —

Свидетель вековечной стужи.
Замру на время. Вой снаружи.
И теплящаяся тишина
В душе, что тьмой окружена.

2

Ну, ветер! Силой стенобитной
Ствол ивовый сгибает в рог.
И полосует, словно бритвой,
Лицо, и чуть не валит с ног.

Напуганные, не лают
Даже собаки, как всегда.
Свистят, по-волчьи завывают
Провиснувшие провода.

Тьма скифская в Тмутаракани.
Неузнаваем Божий лик,
Где свечечка в убогом храме
Зажглась и сникла в тот же миг.

И некому унять как будто
Тьмы ослепительный порыв.
Когда и сам служитель культа
Дремуч и грозен, аки скиф.

Но вот мороз ударил резко.
И встала для отвода глаз
Луна, надраенная до блеска
И звонкая, как медный таз.

* * *

Наде и Мише

Да не быть во князьях холопами!
Да пребудете вы богатыми
Восхитительными восходами,
Феерическими закатами.

Русскими облаками-сказками,
Гор извилистыми арабесками.
В летний полдень — морскими ласками.
В лютый ветер — ласками дерзкими.

Твердью вышней, засеянной астрами,
Лепестки с них летят звездопадами.
Молдаванскими скрипками страстными —
Несмолкающими цикадами.

А простор-то здесь, мать честна!
А в душе, когда им овладеете,
Даже если, упаси Бог, начисто
Разоритесь — не оскудеете...

* * *

Над Землёй воспарил Орион.
Чёрно-бархатный махаон,
Исполинские крылья вполнеба
Распростёрший. Алмазно дрожит
Рядом Сириус.
Великолепна
Мироздания гроздь... Но жужжит
Между рамами муха нелепо,
В паутину влетевшая... Лад
Вознесенный смутив, как ни странно.
От докучливой немощи в сад
Я спустился... И — высь осиянна —
Вдруг почувствовал точечный взгляд
На себе — ледяного Алголя¹,
Под иглою которого воля
Цепенеет...

---

¹ Алголь (*араб.*) — вурдалак. Альфа Персея, загадочная звезда с быстрым переменным блеском.

* * *

Не убий!
Печально глядит
Иудейское влажное око быка,
Ведомого на убой.

* * *

Синяя стынь, ледяные осколки
Солнца в разбросах алмазной лузги.
Это несутся не волны, а волки,
Берег обрушенный рвут на куски.

Не подступиться к озлобленным с краю.
Но, укрощая стихийную власть,
Броситься с мола в летящую стаю,
Влезть, как Иона, в ревущую пасть.

О, благодарствую, ветер стервозный,
Когти вонзающий, аки дракон!
Нрав мой, омытый в купели столь грозной,
Угомонится, умиротворён,

На день хотя бы...
Ишь как колотит
Волны о валуны головой...
Но уж от ярости душу воротит.
И по дороге к дому находит
На укротителя дивный покой.

* * *

Пользительно поэтам,
Уже немолодым,
Себя продраить ветром
И морем ледяным.

Чтобы преобразиться
И не пугать народ,
А воспарить, как птица
Или как самолёт.

* * *

Стало к утру наконец-то просторно, светло.
И на душе точно так же светло, как в округе.
До остроты ощутимые шорохи, звуки.
Чиркнула чайка крылом по воде. Тяжело
Та шевельнулась, будто вздохнула со скуки.
Минули игрища летние, знойные муки.
Воздух осенний, как вымытое стекло.
Хочется взять его в руки.

* * *

Ноябрь неумолимый грозен.
На мокрую дорогу сбросил
Тряпье с трепещущих деревьев,
И те стоят, окостенев, —
За вечный ропот в наказанье.

Вдруг зелень брызнула в глаза мне:
Мох — редкостный нездешний цвет —
Сверкнул на придорожном камне,
Как то, чего, казалось, нет.
Как ощущение детских лет.

Грань изумрудная в соседстве
С другими — сгинувших миров.
В детсадовском сиротском детстве,
В прогалах каменных дворов.

В той девочке, во время оно
Летящей с горки ледяной...
Два пышных бархатных помпона
Сверкали за её спиной.

В младенчестве теплом заветным
Лучится цвет, его флажки
О чём-то несказанно-светлом,
Всей видимости вопреки.

Что видимость!.. Как мать-осина
Вон та, печальна и бессильна,
К себе, спасая от невзгод,
Всегда удавленника ждёт.

Родные дикие края.
Разъезженная колея.
И в ней, в мирах моей вселенной,
Сверкает лучик нерастленный.

Угол зрения

На бледном румянце заката,
Вобравшем осеннюю хмарь,
Высокий, сугулясь горбато,
Зажёгся дежурный фонарь.

Он там верховодит над бездной
Карьера, который внизу.
По мне же он — светоч полезный —
Торчит, как бельмо на глазу.

* * *

Мой взгляд дворовою площадкой
Заложен и кирпичной кладкой.
Не выпуская за барьер,
Москва страшает мёртвой хваткой —
Сурьёзная, как бультерьер.

Не вырваться, не взмыть! Доколе!..
Хотя, конечно, можно быть
Зашоренным и в чистом поле.
И нечего на стены выть.

Несовершенное творенье
Стать совершеннее вполне
Достойно. Внутреннее зренье
Подпитывается извне.

И не случайность, не везенье —
Дарована возможность мне
Сподобиться небесной сини
В полях полуденной России.

Гляжу я, как глядят разини,
Часами вдаль, пространству рад.
Как будто от анестезии
Отходит, оживает взгляд.

Глазам отмякшим легче стало.
Так вот чего мне не хватало
В московском небе, там внизу,
Как будто в каменном лесу.

* * *

Наземное существование влачат
Домашние гуси. По краю
Дороги ступают. Истошно кричат,
Завидя летящую стаю.

Их жирные гузки потешно дрожат.
А всех впереди, перегружен
Достоинством личным, заметен вожак,
Который их водит по лужам.

Однако сей грозный гусар боевит,
С ним рядом стоять не посмею.
Насупленно сердится, ишь, как шипит,
Воинственно вытянув шею.

В кругу косолапой пернатой родни
Хозяйственно доли и веси
Обходит, то бишь огороды свои,
А глазом косит в поднебесье.

И думает стае вослед – на хрена
Мне этот ваш клин диссидентский!
Простора – хватает, травы – до хрена!
Советский режим, постсоветский –
Единый в России на все времена!

*И не нужен мне берег турецкий
И Африка мне не нужна.*

Перекаати-поле

Поле-перекаати, перекаати-поле.
Катится колесом, а всё равно на приколе.
Дальше отвальных ям не уйдёт, дальше пригорка.
Буйных степных кровей Стёпка или Егорка.
Э-э-эй! Да он и сам простор свой не променяет
Ни на какой другой... Катится, обсеменяет
Пустошь, Лысую гору, Сухие броды.
Ночью шатун-шайтан — дух прикольной свободы.
Чешет до горизонта пыльного, до угора
Или перебирается, как пьяница, вдоль забора.
Покуролесил и будет... Выдохся бедолага.
Буйная их ватага сцепилась на дне оврага.

* * *

В сарае напротив живёт сова.
Большая кошачья её голова
И тулово — смутно виднеется
На чердаке. Утром — прыг на дрова.
Сидит, на солнышке греется.

Днём она, притворяясь слепой,
Спит, мирно лапки складывает.
А мне кажется, туда-сюда головой
Крутит, значит подглядывает.

Ночью самая её пора:
Зырит, не зная осечки.
Как пищали, верещали вчера
В когтях у неё чьи-то птенчики.

Мыши о помощи так не кричат
Пронзительно, по-человечьи.
Замер в ужасе трепетном сад.
Листья на яблоне старой дрожат,
Будто хвосты овечьи.

У совы, конечно, на то права
Особые. Зверюга земная.
Смутно всплывает её голова
Из глубины сарая.

Если солнышка нет, сидит,
Не шелохнется. Страж прилежный.

Но чувствую, зорко за мной следит
Из черноты кромешной.

Сводный брат

Постой, постой, ты жив? Ведь ты же умер!
Я урну с твоим прахом закопал
В могиле нашего отца, в ограде...
Тому уже лет двадцать или больше...
Мы с матерью твоей тебя похоронили...
Улыбчив, прост... Глазам своим не верю.
Откуда ты? Из памяти моей,
Замусоренной шлаком.... Или, может,
Из вечности, в которой пепла нет?..
Я редко о тебе молюсь...
И об отце о нашем общем — редко...
Уж не затем ли снишься, чтоб напомнить?..
Из всех его внебрачных чад
Ты самый
Был неприкаянный и рисковый.

* * *

Опять вы глушите «Свободу»...
Живучих ящеров, видать,
Реликтовую породу
Природе не пересоздать.
Что с вас, как говорится, взять....

Под чьей-нибудь державной сенью
Ощерившихся знамён
Вы будете копытить землю
Аж до скончания времён.

Бдеть, перекусывая взглядом,
Надежды слабенькую нить.
Ну, что ж, придётся с вами рядом ,
Свыкаясь, верить и любить.

Не путать выходы и входы,
С реальностью — златые сны,
Улавливая весть свободы
Не только с радиоволны.

Жалобы турка

Я и дышу и хожу подневольню, смотря по погоде.
Правильно. Псих ненормальный, чайник, «вроде
Володи».

Ежели солнышко в небе, то я закипаю.
Ежели тучи, — находит хандра. Тогда засыпаю.

Землятресенье. Цхинвали бомбят. Конец света.
И без того тяжело в дождливое лето.

Природный я человек... Вопреки и строжайше
Как же себя удержать! Уехать подальше —

К морю, к другим берегам, на другую планету!
Вот и уехал. Сиж у моря, читаю газету.

Про мировой навалившийся кризис фатальный.
Вдруг распогодилось. Солнышко брызнуло!
Псих ненормальный.

* * *

1

Нечего тужиться-пыжиться,
Через голову надевать штаны.
Если стихи не пишутся,
Значит, и не должны.

Хоть ростральной колонною
Стой, – а приспичит рожать,
Лаву их раскалённую
Можно ли удержать!

Силища детородная...
Кабы ещё была
Перед глазами свободная
Даль и душа светла.

А так – лишь на миг раскуроченный,
Грозно искрящийся прах,
Что оседает клочьями,
Строчками в черновиках.

2

Не дёргайтесь, маэстро, – от волнения
И стопор. Горло немотой светло.
Смешно искать приют для вдохновенья,
Когда оно само вас не нашло.

Да где угодно, хоть на дне колодца.
О, жару потаённому неймётся.
Томится – впору на луну завывать.
Но если там, где выпало прожить
В уединенье, голос не вернётся,
Не значит ли, что так тому и быть.

* * *

Отчаянный вздох испуская,
Опять ты забылся в тоске, --
Ажурная пена морская,
Дрожащая на песке.

Так что же, напрасно боролось
Небесное воинство?... Логос
Тебя образовывал здесь?
Как будто не слышал ты голос,
Дарующий добрую весть...

Всё слышал. Всё понял. Всё слопал.
Ажурная вязь на куски
Распалась. И – оторопь. Стопор.
В слепящем просторе – ни зги.

Прощание с Таманью

Полощется по ветру ива, к земле припадая, ох, немолодая...
Ещё одна осень отчаливает, отгребая
От берега скудной Тамани, с которым уж свыкся.
Ещё одна осень впадает в чистилище Стикса.
Тень облака движется, пересекая долину,
Скользит по заливу туда же, в его горловину.
И птицы туда же... Несметные стаи вольются
В течение лет невозвратных, пусть даже весной вернуться.
Напутственно блещут алмазного неба скрижали,
Снижаясь по кругу, — Пегас, Андромеда, Стожары...
Всё движется — в чудном порядке, в безумном смятенье:
И листья, и птицы, и звёзды в одном направленьи.
И я, уповая на вечную жизнь (во временной тесно),
Вернусь ли когда-нибудь в эти края — неизвестно.

III

* * *

Уже не осилить штурвал
На мостике шатком.
Он море своё прозевал,
По пляжам прошаркал.

Был вроде бы с музой знаком,
Слагая куплеты.
Но нет, одержимый стихом,
Не жил, как поэты

Лишь подлинные живут.
Мысль тайная гложет.
Но выпутаться из пут
Немотствующих не может.

Он силу крыла не обрёл —
Опору в сопротивленье.
Не ввысь — на снижение шёл
В свободном паренье.

Томился, кормился, скорбя,
Небесною манной...

Зачем не созидил себя
Муж небесталанный!..

* * *

И всё ещё что-то пытаюсь...
Болтаюсь без дела. Дурдом.
За что ни возьмусь, отступаюсь.
И даже Евангелие, каюсь,
Одолеваю с трудом —
Две-три обязательных главки...

Сие есть затмение, блуд,
Достойный видения Кафки.
Дожил я до полной отставки,
Представленный на самосуд.

Сосед говорит: депрессуха!
Да, да, говорю: неспроста...
Точнее, томление духа.
А значит, сует суета,

Как сказано у Экклезиаста.
Дурдом процветал и тогда.
Хоть воздух был чище гораздо.
И чище земля и вода.
И всяческие растенья...
Стоп. Заведённость затменя
Слабо самому побороть.
Тебя призывает Господь
Закончить хоть что-нибудь, хоть
Это вот стихотворенье.

* * *

Молодости не завидую.
Над пробуждением ночным
Восходит она Афродитою
Блещущей, сном золотым.

Ею ничуть не обиженный,
К часу закатному ближе, и
Нынче не меньше богат.
Ибо красою возвышенной
Равны восход и закат.

Дочке

Станет вдруг тошно,
Вихорь закрутит...
Делай, что должно.
И будь что будет.

* * *

Осколки, обломки, обрывки стихов.
Как будто вскрышная порода
Одна громоздится повсюду. Таков
Итог промелькнувшего года.

А всё потому, что не в фокусе жил.
Не в том, что дороже и ближе.
И наиважнейшего не завершил.
А было поручено свыше.

* * *

Умер маэстро, легенды ходили о ком.
После себя оставил неизданный том
Стихотворений и — отнюдь не злодей —
От беззаветных поклонниц кучу детей.
Выросли дети, в его не входившие планы,
Все, как один, шизофреники и наркоманы.
К их воспитанию пальца не приложил
Ревностный рыцарь, одной лишь музе служил.
Был он аскетом по-своему и правдолюбцем.
Помню его в бессменном плащике куцем.
Попов избегал, отвращался церковной рутины.
Но под Елабугой часовню срубил в память Марины.
Покрасовалась часовенка та в чащобе смолистой
И улетучилась лютой зимой — спалили туристы.
Остался в поэзии призрачный мастер скорбной скалою.
А дети — сгинули, распылились, смешались с землёю.
Что он посеял, то и собрал: скупое ли, щедро...
Что перевесит на чаше весов: жатва иль жертва?..

* * *

Рифма ушла от меня.
Не Бог вещь какая родня....
Верность не очень хранила
И раньше.... Не зря белый стих
Пестовал. Из молодых
С кем-нибудь мне изменила.

Что ж, похожу холостым.
Повествованьем простым,
Как в разговоре застольном,
Всё же скажу про своё.

Да я и не жаждал её
Послушником быть подневольным.

* * *

Вот страшно-то когда: свободный дар убит.
Молчишь, как в рот воды.... Как заживо зарыт.
Придавленный пластом отравленных сомнений
Насчёт себя....
И впрямь от эдаких видений
Тебя кондратий хватит... Эй, очнись!
У ног бежит ручей — прозрачен и речист.
Бежит, не устаёт, меж камушков плугает,
Пока его исток невидимый питает.
Любой разлад — в струю, любое лыко — в строку.
Вот то-то и оно: не изменить истоку.

* * *

Ты кто: поэт или и.о. завснаба?
Не ведаю. Тружусь по мере сил.
«Общественник районного масштаба», —
Так обо мне улыбочиво съязвил
Писатель-профессионал.
Одни лишь
Мечты о будущем... А вот он, финиш...
Служенье муз... О, неслуженье сплошь.
Каким себя со стороны увидишь,
Таким, наверно, в вечность и уйдёшь.

Куда как проще плавное скольжение
По центробежной — прямиком в дурдом.
Удел поэта — самовыражение.
Всё остальное по боку, потом...

Потом? Да, да... А если взглядом ранит
Калека обездоленный — как быть???
Когда он руки из болота тянет...
Что говорить слова! Что говорить...

И правда, я поэмы эпохальной
Не сочинил. Наитием ведом,
Не ведал очерёдности похвальной
В служенье: что сначала, что потом...

* * *

Если начало случилось, конец неминуем.
Страсть к сочинительству хоть и отрадной была,
Но к пьедесталу хрустальному не подвела.
Слава его не коснулась хмельным поцелуем.
Даже руки, благосклонная, не подала.

Так не стреляться же!..
Делай, что делаешь... Снова и снова
Книгу листовую свою, что успел он издать,
Думает: здесь моё всё — и судьба, и основа.
Всё здесь на месте. Отвечу за каждое слово,
Если назначено с ней перед Богом предстать.

* * *

Свободный безрифменный стих, как стадо овечек,
Кочует по миру, не терпящий строя, — вразброд.
А рядом — раскаты прибоя, стрекочет кузнечик...
Движение ритма: отмеренный сдержанный ход.

Однако дерзну уклониться, не шалости ради,
От блочных объёмов и мелодических пут.
Оставлю верлибры пастись на просторах тетради.
Порадуюсь, впрочем, за них, если дальше уйдут.

* * *

Каждую книгу читаю с карандашом.
Делаю на полях пометки.
Даже в транспорте —
Мой пожизненный читальный зал —
Карандаш под рукой.
Отчёркиваю важные места,
Чтобы ещё к ним вернуться.

О, неутолимая духовная жажда,
Замутнённая суетной скаредностью.
Надо бы запоминать на ходу,
Заучивать важное, как школьный урок.

Ведь не вернусь никогда.
Уже некогда перечитывать.

* * *

Кто-то выставил лыжи возле дома.
Вдруг кому-нибудь пригодятся...
Пластиковые, без щербинки,
С хорошими креплениями.

Когда-то я каждый день
Бегал на лыжах в Сокольниках.
Приходил из школы, портфель зашвыривал под кровать
И до поздних сумерек — в лес:
Летал, окрылённый, по горкам,
По белопенным полянам.

Богатеет, что ли, наша держава?
В Америке, давний обычай, выставляют на улицу
Ненужное барахло.
Вдруг кому-нибудь пригодится...

Классные лыжи — лёгкие, беговые.

Зима только начинается.
Может, похожу в парк...
Может, попробую...

* * *

Лицо в глубоких морщинах,
Похожее на покрышку футбольного мяча,
Из которого выпустили воздух.

А давно ли он был накаченным и лёгким,
Радостно влетал в ворота,
Крутился кручёный, подскакивал,
Ввинчивался свечой в зенит,
Замирал в ожидании перед пенальти.
Его полёт зависел от силы удара
Этих здоровенных двуногих быков.

Он был честный трудяга.
Никому не подыгрывал,
Ни за кого не болел.
По нему лупили и те, и другие.

Ископыченное зелёное поле
Было его жизненным пространством,
А что за ним, за трибунами
Он видеть не мог,
Потому как выше не поднимался.

В.С.

Заветом дорожу:
Не удушать порывы.
И у тебя прошу,
Пока ещё мы живы,
Прощения. Беды
Потом уж не поправишь...
А может быть, и ты
Порыв такой же явишь.

А.Н.

Так что же — отмщеньем упиться?..
Иль, гнев обуздав, подчиниться
Закону, что падшей природы
Превыше — закону свободы?..

Которая сил приумножит,
Когда с тебя кожу сдирают.
Постичь сокровенную может
Лишь тот, кто её выбирает.

Недурственно жить по велению
По щучьему. То-то житуха.
Я выберу всё же смиренье,
А не раболепие духа.

Злопамятствуя, по кругу
Топтаться... Не лучше ли просто
Простить омрачённому другу,
Теперь уже *бывшему* другу,
Предательство и вероломство.

Авось его тяжкий трезубец
Обломится, правду корёжа.
А нет — очень скоро, безумец,
Напорется сам на него же.

* * *

Ввязался в драку. Заступился.
Кого-то защитить пытался.
Я мордобоя сторонился
Уже давно... Да вдруг забылся...
И сходу на кулак нарвался.

На вытянутую оглоблю,
Орудовшую тупо, пыром.
Пьяно рычащую «угроблю!»,
Сивушным пышущую пылом.

По молодости был я дерзок.
Таким-то вот и квасил хари
Без промаха... А нынче сдержан...
Хотя всё то же: хам на хаме.

О, только бы не озлобиться...
Ведь в каждом кулачище сжатом,
Невинном или виноватом,
Заложено смертоубийство.

С газетою в руке, в очочках
Рванулся, как на амбразуру...
Заметку о горячих точках
Не дочитав. Быть может, сдуру

Рванулся... Нервы на пределе.
Хоть я и сокрушался после,
Что оплошал на самом деле,
Что не достиг удар мой цели.
Отвёл его уж не Господь ли?..

Подмосковная идиллия

Глухие заборы, заборы....
Как в душном Афгане дувалы.
Наверное, золота горы
За ними, сокровищ завалы.

Как только советское иго
Свалилось, не зная пощады,
Людское скопление воздвигло
Скорей меж собою преграды.

И, правда, в едином порыве
Устали ишачить, как быдло.
У всех на виду в коллективе
С рожденья маячить – обрыдло.

Не вышло и духом соборным....
А как хорошо на лужайке
С женой, за высоким забором
Пить чай – без трусов и без майки.

К тому же, за кустиком каждым
Сидит притаившийся ворог...
На кой им просторы с пейзажем!
Вольготней задранный короб.

Ишь, рвутся поправить здоровье
Сюда бандюки-генералы!
Огромный кишлак – Подмосковьё.
Сплошные дувалы, дувалы....

Зашоренный голос утробы...
Глухой обороны образчик...
О, славные агорафобы,
С рожденья сыгравшие в ящик.

IV

* * *

Вот Лебедь, Андромеда, Орион,
Вот Волопас... Все в сборе. Все на месте.
В ночное небо я давно влюблён.
А всё ищу хоть малое созвездье,

Которого не знаю... Страж ночной
Уснувших улиц и полей окрестных,
Как будто дом отыскиваю свой...
Как будто там он, в запредельных безднах...

* * *

Хаббл, спутниковый телескоп,
Передал на Землю снимок сцепившихся галактик
В созвездье Геркулеса.
Одна захватывает другую...
И то ли проникает в неё, как капля в каплю,
То ли их сближение чревато завершающим взрывом.
Правда, процесс относительно долгий.
За сотни миллионов лет
Они, может быть, и поладят...

Такая же участь, говорят астрономы,
Ожидает и наш «Млечный путь»,
Который через три миллиарда лет
Может соединиться с ближайшей к нам
Галактикой Андромеды.

* * *

«Он... повесил землю ни на чём».

Иов.26,7

В Библии космос пронизан лучом
Лазерным, точечным светом:
«Землю повесил Бог ни на чём».
Вон, когда знали об этом.

Или догадывались. Тайная высь
Слитна с трагедией тайной.
Высказал по-ньютоновски мысль
Кратко – предшественник дальний,
Иов многострадальный.

Он, беспричинно поверженный в ад,
В пропасть абсурда, опасней стократ
Огненной, ибо – бездонна,
Слышал оттуда звучанье Плеяд
Стройное, струн Ориона.

Уж покатался на нём Люцифер
Власть, да и Бог не обидел.
Разум, очищенный от химер,
Образ Вселенной, гармонию сфер
Из преисподней увидел.

* * *

Уединенье — Божий дар!
Причин счастливое стеченье.
Ради такого заточенья
Готов терпеть печной угар,
Свет в полнакала, шебаршенье
Мышей, капусту на обед
Изо дня в день, учтём совет:
Она полезна при склерозе.
И гололёд, и туалет,
Увы, дощатый — на морозе.
Пенсионер я или нет —
Скудельное изделие Госта —
Могу хотя б на склоне лет
Жить независимо и просто?..

Всевышнему благодаренье —
За кров, за пищу, за терпенье...
И за возможность перед сном
Пройтись по снегу босиком.

За то, что, не имея ренты,
Могу и я богатым стать.
И мамин голос услышать —
Живой... с магнитофонной ленты.

* * *

Ломит виски, и глаза болят.
Увы, возрастной синдром.
В гуще листвы утопить взгляд,
Благо, листва за окном.

В майские нежные пряди берёз
Вкраплена голубизна.
Цвет, врачующий зреньё, пророс
глубже глазного дна.

Там, на зелёных холмах, побыть,
К зелёной припасть груди.
И плавниками глаз шевелить
Водорослей посреди.

* * *

Солнышко. Лето. Под окнами луг сверкает,
Выкошенный Танюшей.
Розовый куст — тоже её детище —
Выпучился скоплением галактик.
Запах сена напоминает о Куйвижи, о скоротечности жизни.
«Как временно всё, как мгновенно» —
Строчка ненаписанного стихотворения.

Окна террасы — настезь.
На белой скатерти раскрытая Библия.
Строка из книги «Премудрости Соломона»:
«Бог создал человека для нетления».
Вдруг на эти буквы вбежал муравей, ожившая буковка.
Пошевелил усиками туда и сюда
И почапал на другую страницу.

Мы с тобой в чём-то похожи, неутомимый трудяга.
Мне невозможно постичь
Всей красоты и величия мироздания,
Ну, а тебе — премудрости Соломона.

* * *

На письменном столе порядок.
Перед глазами Спас Нерукотворный.
Слева полка
С необходимыми книгами и словарями.
Солнце заглядывает в окошко.
Дров поленница.
Что ещё нужно?
Всё есть.

* * *

Проснулся я под утро, как очнулся.
Как будто бес в мой чуткий сон вломился.
Я страшными словами поперхнулся:
Будь проклят день, в который я родился.

Ах, что-то на душе и впрямь не ладно...
Пошёл, пошёл, нечистый, зря трудился.
Будь этот день, шептал я троекратно,
Благословен, в который я родился.

Сотворение креста

Под навесом на сквознячке за лето
Брус хорошо высох.
То, что и нужно для креста:
Весомая лёгкость.

Нижняя часть, что уйдёт в землю,
Крупитчато зеленеет,
Пропитанная медным купоросом.

Пройдусь последний раз рубанком,
Сниму фаску с уголков,
Трещинки, есть кое-где,
Затру воском,
Зачищу меленькой шкуркой.

Не ошибиться в разметке гнёзд.
Миллиметр в сторону — закосит перекладину.
Шурупы поглубже, впотай, и всё — на клей,
Замешанный с опилками.

Август на исходе — тихий, торжественный.
А я и хотел закончить к осени.

Двадцать три года тому назад
Мы крестили Людочку в этом доме.
Здесь она приняла нательный крестик.
Завтра примет и этот,
Что встанет у неё в изголовье.

Кряжистый, прочный, долго будет стоять.
До второго пришествия...

Воспоминания об Америке

Время слитно с пространством. Дорога – струна.
Бьюик плавно идёт, как в полёте.
Скорость ровная подключена
К музыкальной классической ноте.

У водителя дисков солидный запас.
И, как в зале концертной, отменно
Слышен Брамс Глена Гульда, *неслыханный Брамс...*
Переборы жемчужин Шопена.

Скорость не запредельная. Джеф за рулём.
Он не любит бессмысленных гонок.
Улыбнётся – улыбка во весь окоём.
Он улыбчив и прост, как ребёнок.

Мой российский народ от страшилок устал ,
Безнадёгой ушибленный шибко.
Если б знать, что Америку не капитал
Сотворил, а вот эта улыбка.

О, до боли знакомый равнинный пейзаж...
Не случайно совпавший с которым
Разметался, раскрылся Рахманинов наш.
Он созвучен и этим просторам.

Город, вставший на горизонте, салют!
Воздух утренний свеж, будто в шхерах,
Там на улицах людных... Где птицы поют
И стрекозы резвятся на скверах.

Мы, сведённые музыкой с Джефом, смогли
Обойтись без признаний особых...
Позлащённая солнцем, сверкает вдали
В центре города
Гроздь небоскрёбов.

V

* * *

Горе народу без слова Божьего.
Достоевский

Споспешествует Истина идеям.
Одним демократическим затеям
Не удержать благого устремленья.
Народ без Слова Божьего — потерян.
И обречён на самоистребленье.

Народ без Слова Божьего — пучина,
Выталкивающая на поверхность сонмы бестий.
Лишь в этом вековечная причина, —
Твержу, — российских окаянств и бедствий.

И в каждом жлобстве, шельмовстве, убийстве
Слепорождённых выпучены недра.
Народ без Слова Божьего — как листья,
Мятущиеся от ветра.

Твержу и повторяюсь без смущенья,
Что ревностью кому-нибудь наскучу.
Народ без Слова Божьего — камня,
Остатки рода, собранные в кучу.

А важным господам, уж если метят
В поводыри на нашем бездорожье,
Ох и зачтётся... Что они ответят
Тому, Кто поручил им Слово Божье?..

* * *

За то, что народ, наконец-то собравшийся в храме,
И ныне привычен отстаивать службу ногами.

Набывчивши выю, стоит, как средь чудного леса,
Но Божьего Слова не слышит, и в службе самой ни бельмеса.

За то, что веками с державною властью блудила
И выблядков стаи себе же на горе плодила.

Они и сегодня в садках золотых нерестятся,
Отечества ради целуют уста святотатца.

За то, что святого последнего бесам на милость
Сдала, лютой казнью его заручилась.

За то, что в болото уходит любая дорога, —
Народ от тебя отшатнётся, взыскующий Бога.

И будет искать, и найдёт в стороне протестантской,
Когда не покаешься в доле своей окаянской.

* * *

«Я емь истинная виноградная лоза»

Ин. 15.1

В саду, в отсутствии бывшего
Хозяйства — водворится ль снова?—
Жируют осы. Сад пасут.
Лоза — их дойная корова.
Плоть виноградную сосут
Со страстью.... О, священный зуд....

Набухшее сочится вымя,
Иссеченное вкривь и вкось.
И вот уже поникла гроздь,
Благословенная во Имя
Создателя когда-то.... Но
Ослаблена стихией жадной.
В саду от крови виноградной
Под жертвенной лозой черно....

Не нам — сомненья велики —
гадать о временах и сроках.
Пусть даже мухи, пауки
Поселятся в её чертогах.

Тоска по третьей заповеди

Я — персть под ногами живая,
Обретшая с небом родство.
Хотелось бы, не называя
имени Твоего,

свидетельствовать: Ты в истоке
Всего и в моей судьбе.
Все скорби мои и восторги —
Вздых о Тебе.

В стране моей христоролюбивой
Разбойнички счастье куют.
На воле оравой гуливой
Всевышнему славу поют.

И ты, патриотище вящий,
О Боге, горнило в груди,
Без устали молотящий,
Умолкни, язык проглоти.

Крещёное поголовье
Трезвоном утешено власть.
О, Господи, в суесловье
Такое же только б не впасть.

Дай сил — без хоругвей и стягов,
Зловещих призывов к борьбе
И прочих магических знаков —
Свидетельствовать о тебе.

2

От глаз, воспалённо горящих,
Орущих о Страшном Суде.
От яростных ртов, молотящих
Без устали о Христе,

О вере... Чураясь озноба
Мистического и стёба
Сакрального — от их чудес
Подальше —
В безмолвие, в лес.

В одном задыхаются дыме.
Враждующим сладок угар.
В их непримиримом «Во Имя!!!»
Мне слышится «Аллах Акбар!!!».

* * *

Для кого алтарь со святынями.
А для кого харчи.
Забыл, что ли: перед свиньями
Бисера не мечи.

А как распознать? Пред тобою
Вопрошающий, до правды охоч...
Мыкается со своею бедою.
Как не помочь!

Вот ты и разлетелся... Начитан
В Писании... Грамотный, чай...
Следственно, парным копытом
По уху и получай.

Рассвет за окном или полночь?
А это уж как кому.
Так что, если спешишь на помощь,
Будь готов ко всему.

* * *

1

Господи!
Я ведь так и не научился молиться по правилу,
Утром и вечером предстоять пред Тобою,
Вычитывая молитвенный свод.
Тридцать лет как крестился,
А к правилу не продвинулся ни на шаг.
Но в течение дня
Обращаюсь к тебе постоянно.
Дома — икона перед глазами.
А на улице, в транспорте
Или в казённом учреждении
Кто-нибудь да подскажет о Твоём присутствии.
Хотя бы безрукий калека
У входа в метро.

2

Увы, всем ветрам раскалённым открыт
И краскам на пылкой палитре...
Чего только в голову не залетит,
Когда стоишь на молитве.

Проталкиваясь сквозь бессвязную муть,
И гибельный хаос врождённый,
Лежит мой рискованный единственный путь,
От мира не ограждённый.

* * *

Страшат больничные мытарства —
Апоплексический кошмар.
Согласный принимать лекарства,
Подсел и я на коринфар.

По кромочке хожу, по краю,
Покудова не очень плох...
Движенье каждое сверяю
По Стрельниковой: выдох, вдох...

Уж сигануть через ступеньку
Слабо. Кружится голова.
Разваливаюсь помаленьку.
Да и по крупному разва...

* * *

Ох, не вовремя я занедужил.
Дома дел неотложных — гора.
Всё же, Господи, может быть, нужен
Я Тебе, и ещё не пора...

Мне б ещё у тебя поучиться...
Потрудиться... Не всё ж молодым...
Может, помощь моя пригодится
Хоть каким-нибудь людям живым.

А тем паче родным, может статься...
А тем паче, неважно когда,
Грянет горестный час расставаться
Навсегда... Всё же, не навсегда,

Если вечность мы встретим, как чудо.
И желая, наверно, помочь,
Мама, доброю вестью оттуда
Снится мне чуть не каждую ночь.

* * *

Что дальше ждёт нас — неизвестно...
Но что-то непременно ждёт.
Себя представить бестелесным
Немыслимо... Болезней гнёт
Уже не мучит и не пучит.
Они, пока ты жив, голубчик,
Присохли, как их не врачуй...
С тобой — вопрос. А с ними — ясно:
Им только наша плоть подвластна,
Отсохнут — диабет и язва,
И псориаз, и почечуй....

* * *

о. Я.

Удержан мыслями благими,
Я улыбаюсь, как святой.
Грешно смеяться над другими.
Но допустимо над собой

Подшучивать. Но тоже в меру.
Лишь загрязняем атмосферу,
Мы надо всем и вся смеясь,
Косматым смогом становясь.

Сам по себе, конечно, жуток
Мир — отравляющая мощь.
Но брось в него щепотку шуток,
И станет он бодрящ, как борщ.

Не будем же язвить бесплодно.
А шутка, что и говорить,
Божественна, когда беззлобна.
Ведь и Христос умел шутить.

* * *

И так и эдак хорошо.
Я утром не сажусь в «Пежо».
Предпочитаю пешкодралом,
Себя не чувствуя отсталым.

Конечно, сладостно парить,
Главенствуя в кругу элитном.
Но можно быть незнаменитым,
И всё-таки счастливым быть.

Чтоб выжить, не теряя честь
И веру, и своё призванье,
В любом из положений есть
Достаточное основанье.

Надежду равную иметь
В плену и вырвавшись из плена.
Жить в Господе и умереть
В Нём. Прочее второстепенно.

* * *

Геннадью Голикову

Крест свой, осилив душевно,
Нёс до последних дней....
Геночка, исконная жертва,
Лекарей-упырей.

Тело, брошенное в мясорубку
Наших убойных больниц,
За что обречено на муку,
На предательский шприц?..

К боли твоей безгласной —
За что? — считаю причастной
Свою немоту... Не умел всерьёз
Ответить на этот вопрос.

Киш-миш из благих порывов...
Да будь ты хоть атеист,
Каждый страдалец Иов,
Если он сердцем чист.

На костылях нестойких
Шутил: это мой велотрек...
Ты был здоровее стольких
Душевных калек...

Ну, вот и конец еженощных
Мук, позвоночных грыж...
Там в небесах беспорочных
Вон ты какой крепыш!

Распрявился твой позвоночник.
Ты не идёшь, а летишь....

* * *

Ванежке

Ему ещё месяца отроду нет...
Под ангельским ясным покровом
Он видит один лишь ликующий свет.
Он замер. Он им зачарован.

Внимание — вытаращены глаза —
Уже занялось, зацепилось...
Он видит такое, чего и нельзя
Представить, что ТАМ и не снилось.

Такое, что может основой основ
Останется, силой заветной.
Без тёмных рассеяний, тёмных углов,
Без тени предательской смертной.

Ступив за которую из полутьмы
Своей, если всё-таки выйдем,
Младенчески-чистым восторгом и мы
Такое, быть может, увидим.

* * *

За призрачную грань неведомого дня
Пытаюсь заглянуть. Кто вас после меня
Откроет, радостным открытjem обнадёжен?...
Мой Пастернак, моя Цветаева, Волошин,
Есенин, Чехов мой, — начальный капитал, —
Которого пацан взахлёб читал
За томом том, на кухоньке, ночами,
В девятом классе, жизни всей в начале...
И наконец, достанется кому
Мой Пушкин? Знать хотелось бы, ему,
Достойному особого прочтения,
Окажется ли должное почтение?..

О, суетная мысль о некой важной роли,
Касаема, увы, имущества, не боле...
Кому-то отойдёт... Заботиться о том
Смешно. В свой поздний час открой любимый том,
И с ним наедине останься. Жив покуда.
Приемля этот миг, как дивный дар, как чудо.

VII

* * *

Никого не хочется разоблачать.
В глухом беспределе права качать.
Не винить ни историю, ни географию,
Вглядываясь в мамину фотографию.

В ту непостижимую даль,
Куда она отошла. Замечает февраль
Следы её земные, родные...
Миротворческие позывные.

Нет, я по-прежнему назову мурлом мурло,
В каком бы оно ни блистало убранстве.
Но что-то вместе с мамой ушло.
Без меня разберутся, где добро, где зло
На постсоветском пространстве.

2002 г.

* * *

Отчего так часто снится
Мама?.. Десять лет тому
Отошедшая... Садится
У окна, глядит во тьму.

Ей, теперь уже столетней,
Надоело быть одной.
Будто здесь она, в передней,
Или в спальне, за стеной.

Будто сном преграду смыло.
Вот она, грустна, светла, —
Никогда не уходила.
Никуда и не ушла.

* * *

У Ивана и Марии — моих
Родителей молодых —
Жизнь не складывалась сначала.
Как цепями, по спинам стучала!
Ох, и молотило же их —
Разбрасывало, разлучало
На годы — войны, тюрьма...
Разлука, что смерть сама.

В объятьях чужих застревал
Отец, будто пестик в ступке.
До зёрнышка бы себя растерял
В молотилке в той, в мясорубке,
Когда бы его не ждала
Домой — отовсюду — жена
Единственная, моя мама.
Дочь Авраама.

Драгоценные годы прошли
Друг от друга вдали.

И, одолевшие ад,
Выжившие наугад
Под коммунальным покровом,

Рядышком теперь лежат,
Бок о бок, на Востряковом.

* * *

Утренники холодные.
Стелющийся туман .
Гаснут цвета благородные —
Золото, охра, шафран.

Яблок-то сколько! Нападали...
Некому их собирать.
В травах поникших лампадами
Будут до снега стоять.

Домик незрячий, закованный
В ставни. Подпёртый забор.
Будто бы узаконенный
Свыше — вселенский разор.

Шафрановое, оранжевое
Сиянье вокруг ствола.
Яблоня, мамой посаженная,
Маму пережила.

* * *

Пятая годовщина маминой смерти.
На кладбище снег по колено.
Длинные стебли красных гвоздик.
Горстка родственников.
Серебряная стопка по кругу
На лёгком морозце.
«Царствие небесное и вечный покой....»

А дома шумное застолье.
Соседи принесли свежее испечённый пирог.
Текущие проблемы.
Грядущие выборы в Думу.
«За кого будете голосовать?»

Я поставил кассету —
17-я Соната Бетховена,
Которую она исполняет.

VIII

27 сентября 2010 года

Я этот день провёл в дороге,
В вагоне поезда... Тревоги
С московским смогом отошли
На время – сгнули вдали.

Чуть поезд тронулся, соседи
Над ворохом дорожной снеди
Сгрудились – куры, потроха...
Шум, тары-бары, запаха...

А за окном, как при Батые,
Леса, янтарно золотые,
Вставали – ярые полки.
Подпаливая пустые
Поля, и реки, и колки.

И промельком с платформы грязной
Лицо провинции несчастной
Вплотную всякий раз рвалось
К окну приблизиться,
Злосчастной
Гримасою, расплющив нос.

В поток тысячелетний влился
И этот день. Перекрестился
Я на мелькнувший за горой,
Церквушки купол голубой.

Как будто ею был отмечен
Мой безымянный день, мой вечер,
Среди поддатых, шепутных
Случайных спутников моих.

* * *

Жаль уходить из жизни этой,
Строкою Пушкина воспетой,
Да, да, ещё и потому,
Что в ней есть Пушкин — равный чуду.
Пока дышу, дивиться буду
Неоценимому ему.

Вдруг беспричинно тяжело станет...
Вдруг некто сумасшедший ранит —
Письмо зловещее пришлёт.
Как можно вразумить больного!
Смириться можно. Право слово:
Ведь *«всё мгновенно, всё пройдёт»*.

Он всюду и в семейном круге.
Его чарующие звуки
Не заполучишь в мир иной.
Расстаться предстоит и с ними...
На миг? Навеки? Как с родными —
С друзьями, с дочками, с женой...

* * *

Поэзии священный бред...
Пушкин

Ирония, как будто налегке
Разящая, есть в пушкинской строке.
И к нынешним она восходит перлам.
Взять авангард: ребята-молодцы!
Жуя абракадабру, бьют по нервам.
А мне и Заболоцкого «Столбцы»,
Мной чтимого, не кажутся шедевром,
Всего лишь опытом... Не обольщусь
Талантливым шаманством: место пусто.
Священный бред поэзии мне чужд,
Как всякий бред, пусть преисполнен чувств.
Хотя священно для меня искусство.

* * *

1

Попала в тупик.

Из предсмертной записки М.И.Цветаевой

Извечен уклад наш суровый.
И всё же исход тупиковый
Из дома, дышать уже нечем,
Немыслим для тех, кто Предвечным
Вожатым ведом....
Ради сына,
Забвения ради – Марина
Ивановна вышла из дома,
Забыв, что ведома, ведома....

2

Для рыцарей и певчих птиц,
В кустах запрятанная ловко,
Растянутая вдоль границ,
Долгим-долгошенька верёвка.
Та петелька на полземли
Натянутая, шелохнулась
Под окнами любой семьи.
На ней – в Елабуге стянулась.

3

Сын

Страшнее документа о поэте
Я не читал... Ничто в сравненье с ним
Интимные воспоминанья
На миг приблизившихся... Даже письма
Последние её, её стихи...
В свидетельствах родной души Марина
Ивановна стоит за кадром. Мельком
О ней: мать в панике, в слезах...
В записке той — в её предсмертном хрипе.

Из плотной паутины дневника
Вдруг глянет монстром
На мать, не узнавая в ней поэта.

О, сполохи великого искусства,
Трепещущие в почерневшем небе, —
Родная кровь шарахается от них.

Она его вспоила на холмах
Счастливой Чехии, на стогнах града
Враждебного: зубами удержала,
Вцепясь в загривок. Загнана, вбежала
В Московию и обмерла душой,
Увидев — он огромный и чужой.

Свершившуюся во плоти поэму
Нельзя пересоздать. Творенье дышит
И действует уж по своим законам.
Холодный отблеск гения. Ледник ,
В огне зачатый , — в кратере вулкана.

Элегия в стиле ретро

А всё-таки жаль, что нельзя с Александром Сергеевичем.
Б.Окуджава

Фантастика: имейлы, сайты,
Вместительные мегабайты...
Связующая волна
Вошла в пространство мировое.
И видно, в прошлое глухое
Уходят письма — письмена,
Начертанные рукою.

Уж мы, наверно, не прочтём
Из гладких электронных строчек
Сказать, помимо слов, о чём
Умел неповторимый почерк.

Лист, испещренный сплошь... Ловлю
Через века — тепло и трепет...
Как будто бы «прощай, люблю»
Не только губы, пальцы лепят

Взволнованные... В некий год
Они ваятелями стали
Письма... В нём Пушкина полёт...
В нём Пастернаковские стаи.

И эти строки, что ко мне
Обращены — в них сжато время.
Держу я в рамке на стене
Автограф Александра Меня.

А мы уже давно с тобой
Не ждём okazji с почтальоном.
Довольствуемся в миг любой
Междугородним телефоном.

Так проще... Времени в обрез.
Сам пользуюсь, не мракобес,
Компьютером зимой и летом.
Согласен, Гутенбергов пресс
Кайло в сравнение с Интернетом.

Но сокрушаюсь всякий раз,
Когда в мобильник вместо фраз
Осмысленных — сую обрезки,
Клочки... Не текст, а дикобраз!

Эпистолярный слог угас
Во мне. Сожрали эсэмэски.

* * *

*Генри Торо — автору
Бессмертного «Уолдена»*

«УОЛДЕН. или Жизнь в лесу» —
Это была моя Библия.
В 25 лет я стал ревностным учеником
Гражданского неповиновения.
Цивилизация губельна для человека...
Оглохшие от грохота вонючие города...
Бог ближе к людям в лесах и в горах.
Чтобы общаться с Ним не нужно посредников —
Никаких, тем более наших священнослужителей,
С партбилетом в кармане.

Сентябрь. Далёкий, на границе с Литвой, берег Рижского залива.
Дощатый домик с окном во всю стену.
Хозяева пустили меня пожить за мизерную плату.
Благословенная простая пища:
Хлеб, горсть копчушек, кувшин молока.
Проснёшься утром — глаза слепит
Стальная синь и жёлтый песок.
А вечером стоять на берегу, провожая Красный айсберг —
Солнце на закате.

Навещала меня и нимфа морская,
Она же дриада, она же
Дочь рыбака, пышногрудая Сольвейга.

Любовь — раствориться в другом, как с вечностью слиться.

Но вечность закончилась через месяц...
Пора отчаливать восвояси,
В дебри стольного града.

Бесценны твои уроки, Генри Торо, —
Первые шаги на пути к настоящей свободе.

27 сентября 2008 года

Мне нравится морской мятеж
Эгейских волн — Эллады слава.
Кудрявая густая лава
Лесов оливковых — рубеж,
За коим жмутся горы справа
Албании — сплошная плешь.

Что эвкалипта ореол
Воспет алкеевой строфою.
Его горячий гладкий ствол
Погладить хочется рукою.

Не дивно ли, что лик луны
Восходит в обрамлень лавра!
Не дивно ли, что здесь видны
Созвездья Волка и Центавра.

Ещё не свет и не заря,
А уж горланит с огорода
Соседнего — пеан восхода —
Петух Асклепия не зря.

Двадцать седьмого сентября
Две тысячи восьмого года.

* * *

Только синь сосёт глаза.

Есенин

Отдаться палитре, натуре,
С которою не совладать.
Томление сонной лазури.
Воды мускулистая гладь.

Её перекатам тяжёлым,
На самый загрибок земли
Вздыхающим... Плыть обнажённым
От скученных пляжей вдали.

Пласт огненный, пламенно-светлый.
До камушка обнажено
В мозаике многоцветной
Глубокое чистое дно.

Нырок мой рисковый удачен.
Внизу ослепительный клад:
Как ясное око прозрачен
Округлый и крупный агат.

Предвидений эллинских всплески,
Предчувствий живительный цвет
Узрели микенские фрески
И зоркий фаюмский портрет.

Цвета — это взгляд Мнемосины,
Её запредельный отсчёт.

И, вестница скорбной России,
Синь — вовсе глаза не сосёт.

* * *

Танюше

Тонколистная пальма шумит под окном.
Или дождь тонкоструйный стрекочет.
Различить невозможно в тумане ночном.
Да и слух напрягаться не хочет.

А за нею блестящий фонарь, как серьга,
Прорезает кудрявую крону.
Вот сейчас шевельнётся слоновья нога
И подступит вплотную к балкону.

Чтобы днём, жаркодышащим морем едва
Насладившись и чувств не развеяв,
От смертельного зноя укрыться в боа
Из её страусиновых перьев.

* * *

*Из отдыхающих на островах Греции
больше всего немцев.*

Солнце Германии не закатилось.
Располовинена нашей пятой,
Как она быстро восстановилась
После войны сокрушительной, той...

Держится, собранный грамотным кролем,
Генрих — вольнее, чем рыба в воде.
Гансы и Генрихи пышут здоровьем,
Как близнецы на рекламном щите.

Черноволосы, смуглы, кареглазы ,
Произрастают — кто вширь, а кто ввысь...
Русые волны нордической расы
Необратимо с другими слились.

Нелицемерно, наверное, просят
Помощи свыше, а не у владык
Мертворождённых...
На шее не носят
Благословенных крестов и вериг.

И никакого не ведая горя
Будто бы... и от забот далеки,
За руки взявшись, ходят у моря
Юные парочки и старики.

* * *

*Пантократор — самая высокая гора
на острове Керкире*

Благодарение — очи горе!
Огненно зрит Пантократор.
Нас, от московских дождей в октябре,
Словно за пазуху спрятал

В кружево, в крошево светотеней,
В зарево радости зыбкой.
Море доступное — неба родней,
А потому и призывней.

Солоновато по крови родство...
То-то в туманные дали
Вечно влечёт... Из пучины его
Выкарабкались навсегда ли?..

Хочется думать, уж мы-то с тобой
Выбрались, рифами биты...
Утро начнётся с купели морской,
С храмовой краткой молитвы.

Многоглаголанье напрочь отсек
В строгости неотразимый,
Денно и ночью открытый для всех
Архисвяtitель Василий.

За благодатные светлые дни
— Синь в золотом ореоле —
Благодарение Господу! И
Доченькам — Насте и Поле.

Этюдник

1

Дети и волны

Волна ярится и грохочет.
Оттачивает остриё.
А дети пляшут, рожи корчат,
Визжат под носом у неё.

О, танец дикий и отважный
Среди шумно-шипучих ям!
И прочь бегут от самой страшной
В объятья умилённых мам.

2

Девы обнажили груди
В дикой страсти загореть.
Разложились, как на блюде.
Я же — витязь на распутье —
Взгляд, куда не знаю деть.

3

На девчужке — годочка четыре — красуются трусики и бюстгальтер.
А на женщине, на увядающем теле, нет ни того, ни другого.
Той, не знающей подлого времени, хочется быть постарше.
А этой в детство вернуться.

4

Женщин грозная армада
Высадилась на острова.
Грудь — пушечные ядра.
Ягодицы — жернова.

Мощная живая масса
Из камня вырубленных тел.
Схожих с этими Пикассо
Некогда запечатлел.

Дышит скальная порода
Нежной влажностью волны.
На песке прибрежном бёдра
Выпукло вознесены.

Вьётся меж сведённых граней
Виноградная лоза.
Тусклый мрамор изваяний.
Аметистовые глаза.

* * *

Из века в век полна
Предчувствием свободы,
Шипучая волна
Отбеливает годы

Мои... На волоске
Секунды длится время.
Белеют на песке
Отпавшие коренья.

Массивный корень-ком
Поверженной оливы,
Закрученный витком —
Древесный сгусток гривы.

Он черепная кость
Былой подземной кроны.
Просоленный насквозь
И солнцем прокалённый.

В нём тысячи орбит
И спаянных волокон.
Он из сучка глядит
Воловьим влажным оком.

С лихвою от камней
Принявший зуботычин,
Он и за гранью дней
Своих — необезличен.

Познавший произвол
Шатучего прибоя,
В моих руках обрёл
Рождение второе.

Когда со мной вникал
В рисунок, и восхитил
Любой излом, овал, —
Что отродясь не знал
И сам в себе не видел.

* * *

Образ видимой Греции — сфера.
Чаша, гибкость, округлость плода.
Каждый встречный тебе: «Кали мэра»² —
Говорит, улыбаясь всегда.

Замечаешь в обычном отеле
Стиль, равнение на эталон.
Ионической капители
Завиток, мозаичный плафон.

Оперённые стрелы восхода
Зависают над горной тропой.
Вторит гулким стихам Гесиода
Шестистопный певучий прибор.

Как у амфоры линии плавны
У платана. Звучанья полны
Кроны. Кактусы великаны
С растопырой клешней не страшны.

Долгожданны внезапные ливни,
Покрывают, летя вдоль долины,
Поцелуями — молний бросок —
Склоны берега... Белые бивни
Погружая в шипучий песок.

² Кали мэра (гр.) — здравствуйте, доброе утро.

По душе нам зелёное ложе
Гесиодовых дней и поэм.
Ах, наверное, будь помоложе,
Мы остались бы здесь насовсем.

Но прощаемся. Уж погрузили
Наши вещи. Погнали пыля...
Невозможно без анестезии
Возвращаться в родные края.

* * *

1

Греция не отпускает из горячих смуглых объятий.
Разве с волной ионической может сравниться Азов!
Вовсе я не хочу сравнивать Керкиру с Тмутараканью,
То бишь с Таманью. Осень и здесь хороша.
Пенится море цветов. Омывает подножие дома
Буйный прибой хризантем, брызги гвоздик и виол,
Бархатцы и колокольцы, скуластые белые розы.

Осы сосут виноград. Вонзаются в мякоть. Хвалёный,
Где он, оставленный мне? Не дождался меня виноград.
Впрочем, не до него. В шуме волн донесли Аониды
Древний напев... Благородного ритма движенье,
Чуть искажённого, может быть, здешней мутной волной.

Не отпускает Греция.... Так, что изволь, благодарный,
Тмутаракань, то бишь Тамань, величать Гермонассой³.

2

Полную девственной свежести розу я в банку поставил.
Всё при ней: шпоры шипов, жемчуг росы в лепестках.
Как в натюрморте классическом или в газели Хафиза,
Роза сияет играя, стиху придаёт благозвучье.
Рифма как будто ей не к лицу — хороша и без рифмы.

---

³ Гермонасса — античный город (6 в. до н.э. — 4 в. н.э.) на месте нынешней Тамани.

В доме, где я обитаю сейчас, нет иконы.
Ну, так и что? Хозяева добрые люди.
Икона, даже кисти Рублёва, сама по себе
Добродетели не прибавляет.
Знаю я много дивно расписанных храмов,
Где служители — волки.
Поставлю я розу на письменный стол вместо иконы.
Приоткрывает окно в мир иной это Божье творенье...
Наверняка произрастала в Эдеме до человека.

3

Корень лозы виноградной вынесло море на берег.
Дивно закрученный, плавно изломленный, долгий...
Весь в шишаках и зазубринах корень — бесславный трудяга.
Видно, паслась лоза, приручённая на каменистом подворье.
За влагой, за скудной росой в расселины камня вторгался,
Ходы находил, скользил по стене, вжимался в теснину,
Чтоб наливалась, как вымя, тёмная гроздь.

Выскоблена волной, высушена до белизны
Старая плеть, былого счастья охвостье.

* * *

Мне и сегодня близкий,
И в отдалённом свете
Ники Самофракийской
Бурный порыв к победе.

К верности, к участи лучшей
Воля неукротима.
Крыльев мускул могучий
Не лебеда, а херувима.

Склок олимпийских, сплетней
Выше. Мощью телесной
Чуть подалась... Последний
Шаг и – взлетит над бездной.

Безудержна, но – безоружна.
Пламенна, но – ранима.
Плоть обезглавлена, дух же
Тот же – необоримый.

В буйном порыве заложен
Грунт для стопы опорной
Того, Кто восстанет позже
Над безысходной бойней,

Над беспамятством Леты.
Ника дерзнувшая — это
Предвосхищенье победы
Плотника из Назарета.

* * *

Дерева могучий выброс
Из базальтовой коры.
Исполин на камне вырос,
Царственный, — из той горы,

На которой, по преданию,
Проповедовал Христос.
Перед окрылённой далью
Озера он властно врос

В почву, что острей железа,
Бережней, родней всего...
Бицепсы тяжеловеса,
Обнажённые его

Корни... Сдавлены сурово.
Раскалённый камень гол.
Но — незыблема основа.
Но — взметённый статный ствол,

Трепетно раскинув своды,
Истинно, в краю чудес.
Вулканической породы
Отпрыск и сосед небес.

* * *

Непуганых уток стада...
Копошатся, ныряют, взлетают...
Летите, летите, пернатые стаи, сюда.
Здесь в вас не стреляют.

И рыбу не глушат, и зверя не душат капканом.
Свидетелю нравов иных,
Такое мне кажется странным.

На камушек цапля,
Ног не замочив, опустилась.
Какая достойная неприступность,
Скажите на милость...
В неё на предмет шашлыка
И по страсти загула
Поддатый полковник
Из плавней не высунет дула.

О чём бы я здесь ни завёл разговор с первым встречным,
Края свои вспомню, которые сравнивать не с чем.

Мы словно калеки, бывая в ухоженных странах,
Твердим об одном, о родном — о скорбях и о ранах,
О травмах врождённых, запущенных безнадежно.
Однако скулить неприлично в гостях. Сколько можно!

Под вечер на тёплых камнях расселись койоты.
Уставились все на закат, прочь отринув дневные заботы.

* * *

*Ма-Гадан — воды счастья, — основное место
рыбной ловли капернаумских рыбаков.*

Они здесь мыли сети. Рыбья слизь
Смывалась хорошо под водопадом.

Вот скрежетнула по шершавой гальке,
Качнувшись, лодка... И на воду стала.
Пётр оттолкнулся, навалясь на борт.

Полно на мелководье и сегодня
Сардинок... Там, где уток тьма,
Плавающий тёмный остров
Кипит. Крикливо суетятся чайки.

Всех, омывая, кормят воды счастья:
И рыб, и птиц, и братию монахов.
С немецкой тщательностью бенедиктинцев
Здесь каждый камушек взлелеян, каждый кустик.

Я, поднимаясь в трапезную, вижу
Табличку всякий раз: Бейт-Магадан.
Для русского израненного слуха
Знак — это слово, звук, набухший кровью.
Синоним смерти — Магадан... Однако
Порыв благой: туда же — воды счастья...

Всё вывернуто наизнанку в стране,
Которую Господь, по вымыслу поэта,
Повсюду исходил благословляя.

Встречал и я на столбовых дорогах,
На наших большаках непроходимых
Зазубрины мечтаний вековых.
Эммаус, что под Тверью, назывался
Когда-то «Ямой чёртовой» ...

* * *

Восходит солнце, как в начале
Начал — земного бытия.
Волна под низкими лучами
Слепит, как рыба чешуя.

Чуть слышен колокол, приглушен
Листвой — бесменный поводыр.
Уставу строгому послушен
Бенедиктинский монастырь.

Здесь Пётр, забрасывая сети,
Поглядывал на склоны эти,
Где нынче, с правилом в ладу,
Послушники, Христовы дети,
Как пчёлки трудятся в саду.

Я тоже в главные уроки
Вникаю, навожу декор.
Равняю гравий при дороге.
Служитель муз, увы, не строгий,
Ортодоксальный волонтер.

На время попрошаюсь с Фебом,
Охотно отложу стило.
В Капернаум, уж рассвело,
Пойду, как некогда в село
Соседнее ходил за хлебом —
Под сумрачным валдайским небом.

* * *

Галаны угрюмые — бурый массив
С отливом сверкающей меди.
Тяжёлые головы положив
На лапы, лежат, как медведи.

За ними, за всем, что таится от глаз,
За каверзой дикой природы,
В Библейском безоблачном небе кружась
Приглядывают вертолёты.

Природу прицельная зоркость спасёт.
И так уж без меры изранен,
Оттуда, с хребтины Галанских высот,
Простреливался бы весь Израиль.

Чем выше внимательный взгляд, тем мудрей
Решаются все передраги.
В сиреневых сумерках стали темней
Медвежьи ложбины, овраги.

* * *

Всевышнего рука
Лелеет место это.
Прохладная, мягка
Вода Генисарета.

Целительный глоток
Сулит её источник.
Прозрачный говорок.
Хрустальный колокольчик.

В оправе гор фиал,
Наполненный зарёю,
За что Ты мне послал?
Ведь я того не стою.

Иль, может, упредил
Благословеньем явным
В преддверье злых годин
Об испытанье главном?..

Куст олеандра

Вовсе не убежав от прогресса
Мирового в глухие места,
Оказался я здесь неспроста.
В благоденственной Табгхе пригрелся,
Как за пазухой у Христа.

Натерпевшийся бед земножитель,
Всё видавший — и тленье, и прах...
Загостился ты в райских садах...
Марш в свою городскую обитель
На семи постсоветских ветрах.

В свой привычный порядок простецкий.
В тёмный угол души,
Тот, что пуст,
Поместил бы ты Генисаретский,
Олеандровый пламенный куст.

Он из тех, что горит не сторает...
Щебет, щёлканье, пчёлы шныряют...
Гуд стоит от зари до зари...
Даже ночью тропу освещают
Золотые его фонари.

Защищая в кромешную темень,
И спасая в полуденный зной,
Ясноглазый ветвящийся терем,
Многогранный шатёр расписной.

Чтоб российская скорбь не томила,
Вспомни лишь многоцветье его.
Росшего от сотворения мира,
Повидавшего много чего...

Оглавление

Позывные Греции	3
I	
Рассвет за окном	6
Не будем путаться, чья вина... ..	8
Анне Политковской	9
Против этой разбухнувшей тучи в броне	10
Калымские рассказы Варлама Шаламова	11
После фильма Анджея Выйды «Катынь»	12
Философ поневоле	13
Отвечая на вопрос радиостанции «Свобода»	14
Алушта. Октябрь.	16
Когда меня унылый жлоб обманет... ..	17
С веком не переменялся... ..	18
Удерживались не на честном слове... ..	20
Жили и не при таких паханах	22
Из вечных сокровищ не много... ..	23
Ваганьково. Детство. Глухая пора... ..	24
Фотография отца Александра Меня	25
1. Улыбается. Видит всё... ..	25
2. Проклятая муха! Достала!	25
Солнце светит, иль дождь моросит... ..	26
Мигрантов прибавилось за год... ..	27

Человек пенсионного возраста...	28
Страна в день марша несогласных	30

II

Хутор	32
Свет вырубился, и в округе...	33
Ну, ветер! Силой стенобитной...	34
Да не быть во князьях холопами...	35
Над Землёй воспарил Орион...	36
Не убий...	37
Синяя стынь, ледяные осколки	38
Пользительно поэтам...	39
Стало к утру наконец-то просторно, светло...	40
Ноябрь неумолимый грозен...	41
Угол зрения	43
Мой взгляд дворовую площадкой...	44
Наземное существование влачат...	46
Перекасти-поле	47
В сарае напротив живёт сова	48
Сводный брат	50
Опять вы глушите «Свободу»...	51
Жалобы турка	52
1. Нечего тужиться-пыжиться	53
2. Не дёргайтесь, маэстро, от волнения...	54
Отчаянный вздох испускающая...	55
Прощание с Таманью	56

III

Уже не осилить штурвал... ..	58
И всё ещё что-то пытаюсь... ..	59
Молодости не завидую... ..	60
Дочке	61
Осколки, обломки, обрывки стихов... ..	62
Умер маэстро, легенды ходили о ком... ..	63
Рифма ушла от меня... ..	64
Вот страшно-то когда... ..	65
Ты кто: поэт или и.о. завснаба?.. ..	66
Если начало случилось, конец неминуем... ..	67
Свободный безрифменный стих... ..	68
Каждую книгу читаю с карандашом... ..	69
Кто-то выставил лыжи возле дома... ..	70
Лицо в глубоких морщинах	71
Заветом дорожу... ..	72
Так что же – отмщеньем упиться?.. ..	73
Ввязался в драку, заступился... ..	74
Подмосковная идиллия	76

IV

Вот Лебедь, Андромеда, Орион... ..	80
Хаббл, спутниковый телескоп... ..	81
В Библии космос пронизан лучом... ..	82
Уединенье – Божий дар!.. ..	83
Ломит виски, и глаза болят... ..	84

Солнышко. Лето...	85
На письменном столе порядок...	86
Проснулся я под утро, как очнулся...	87
Сотворение креста	88
Воспоминание об Америке	90

V

Споспешествует истина идеям...	94
За то, что народ, наконец-то собравшийся в храме...	95
В саду, в отсутствие былого...	96
1. Тоска по третьей заповеди	97
2. От глаз, воспалённо горящих...	98
Для кого алтарь со святынями...	99
Господи! Я ведь так и не научился молиться...	100
Увы, всем ветрам раскалённым открыт...	100

VI

Страшат больничные мытарства...	102
Ох, не вовремя я занедужил...	103
Что дальше ждёт нас – неизвестно...	104
Удержан мыслями благими...	105
И так и эдак хорошо...	106
Крест свой осилив душевно...	107
Ему ещё месяца отроду нет...	109
За призрачную грань неведомого дня...	110

VII

Никого не хочется разоблачать...	112
Отчего так часто снится...	113
У Ивана и Марии...	114
Утренники холодные...	115
Пятая годовщина маминой смерти...	116

VIII

27 сентября 2010 года	118
Жаль уходить из жизни этой...	120
Ирония, как будто налеге	121
1. Извечен уклад наш суровый...	122
2. Для рыцарей и певчих птиц...	122
3. Сын	123
Элегия в стиле ретро	125
«Уолден, или жизнь в лесу»...	127

IX

27 сентября 2008 года	130
Отдаться палитре, натуре	131
Тонконогая пальма шумит под окном...	133
Солнце Германии не закатилось...	134
Благодарение – очи горе!	135
Этюдник	137
1. Дети и волны	137
2. Девы обнажили груди...	137

3. На девчужке – годочка четыре ...	137
4. Женщин грозная армада...	138
Из века в век, полна...	139
Образ видимой Греции...	141
1. Греция не отпускает...	143
2. Полную девственной свежести...	143
3. Корень лозы виноградной...	144
Мне и сегодня близкий...	145

Х

Деревя могучий выброс...	148
Непуганных уток стада...	149
Они здесь мыли сети...	150
Восходит солнце, как в начале...	152
Галаны угрюмые...	154
Всвышнего рука...	155
Куст олеандра	156

Книги Александра Зорина

СТИХОТВОРЕНИЯ:

- Яблоневый день.** М.: Сов. писатель, 1979
Каменный листопад. М.: Современник. 1980
Гнездо. М.: Сов. писатель. 1989
Вверх по водопаду. М.: Современник. 1989
После зимы. М.: Рекламная библиотечка поэзии. 1996
Дорога ночью. М.: Центр информатики. 1998
Жертвоприношение Авраама. М.: Общество друзей Священного Писания. 1999
Комета над Космой и Дамианом. М.: Православный Университет, основанный протоиереем А. Менем. 2005

ПРОЗА:

- Ангел-чернорабочий (об отце Александре Мене).** М. 1993, 2004
Выход из лабиринта. М.: Православный Университет, основанный протоиереем А. Менем. 2005
От крестин до похорон – один день. М.: Новый хронограф. 2010

Для заметок

Для заметок

Для заметок

Зорин Александр Иванович

Эвхаристó

Издатель Леонид Янович

Корректор Л.Б. Воронин

Верстка и оригинал-макет Евгений Янович

Обложка Евгений Тихонов

Налоговая льгота -

Общероссийский классификатор продукции

ОК-005-93, том 2;

953000 – книги, брошюры

Подписано к печати 07.01.2013

Формат 60x84/32. Бумага офсетная №1

Печать офсетная. Печатных листов – 10,5

Тираж 700 экз. Заказ № _____

НП издательство «Новый хронограф»

Контактный телефон в Москве (495) 671-0095,

E-mail: nkhronograf@mail.ru

Информация об издательстве в Интернете: <http://www.novhron.info>

Отпечатано в ООО «Чебоксарская типография № 1»

428019, г. Чебоксары, пр. И. Яковлева, 15

НОВЫЙ ХРОНОГРАФ

9 785948 812106